

Рудольф Мареш

ДИТМАР КАМПЕР: ПОРТРЕТ ФИЛОСОФА-МАРГИНАЛА И АУТСАЙДЕРА

Жизнь несносна. Но сносной по крайней мере становится тогда, когда мы говорим об этом.

(Эмиль Чоран).

Специалист по исторической антропологии Дитмар Кампер родился в 1936 в маленьком городе Эркеленс вблизи немецко-нидерландской границы. К философии, по его словам, он пришел благодаря интенсивным занятиям своим телом. В спортивном институте Кельна наряду с закалкой организма он укреплял дух. Бруно Либрукс, его первый учитель философии, каждое утро ровно в 11 часов посвящал студентов-спортсменов в философские вопросы. Его лекции затрагивали самую суть идеалистической философии. Сначала Кампер не понимал, с чем имеет дело философия. Но когда Либрукс прочел воодушевляющую лекцию по *Феноменологии духа*, ему стало ясно, что это произведение имеет отношение к телу.

Мюнхенский период

Желание изучать философию созрело намного позднее, после того, как он уже год, 1960, преподавал в гимназии физкультуру. В философию он пришел после аспирантуры, сначала в Тюбингене, а позже в Мюнхене, где дополнительными специальностями у него были педагогика и литературоведение. В Мюнхене он спровоцировал одного из своих учителей на конфликт, подвергнув критике его лекции. В то время как некоторые доценты рекомендовали ему обратиться к психиатру, Макс Мюллер проявил интерес к студенту, отличившемуся самостоятельностью мнения. По просьбе Кампера он дал ему диссертационную тему. Защита кандидатской, которая называлась «К антропологии Леопольда Циглера», состоялась в 1963. Этот труд в 200 страниц, охватывающий работы религиозного философа в 10000 страниц, не был опубликован, однако, в противостоянии с Циглером и его «Трансформацией образа богов» перед Кампером уже встали некоторые из вопросов, которыми он будет заниматься неотступно.

Для Кампера характерно увлечение темами, которые не входят в университетскую программу и напрямую не относятся ни к одной дисциплине. Например, довольно рано он заинтересовался «философией мгновения», «философией плоти, которая не смотрит на философию духа с чувством стыда» или «теорией смертности». Для них нет академического образца, по крайней мере нет никого, кто бы оказывал на Кампера давление в определенном направлении философии. Даже Макс Мюллер, искусство которого состоит скорее в том, чтобы так выразить или развить вещь или проблему, что становится возможным образовать множество связей. Таким образом, отнюдь не случайно Кампер имплицитно практикует фундаментальную критику ограниченности и недостаточности дисциплинарного мышления и прорывается в интер- и трансдисциплинарный дискурс.

Будучи ассистентом Макса Мюллера, он специализируется по периферийному и маргинальному в философии. Среди всего прочего он сделал реферат о Рудольфе Касснере, философе-аутсайдере, который был единственным другом мужчиной Райнера Марии Рильке и автором в высшей степени своеобразной философии, а также концепции интерпретации. Благодаря ему Кампер довольно рано открыл для себя силу воображения, которая с тех пор занимает одно из центральных положений и значений в его обширном творчестве. Она – предмет трех главных его произведений: *История силы воображения* (1981), *Социология воображения* (1986), *Теория фантазии* (1995).

Изначально он не предполагал идти в университет. Случаю, однако, было угодно, чтобы он подал запрос на защиту второй, докторской, диссертации. Это было связано с приглашением в Мюнхен Леонарда Фрезе, которое тот не принял. По соглашению с Фрезе и Максом Мюллером Кампер решается поступить в университет с DFG-стипендией. Темой своей работы он избрал педагогическую антропологию как частный случай антропологии. В эти годы Кампер почувствовал необходимость вступить в конфронтацию со всем арсеналом гуманитарных наук. Прежде всего его интересует проблема адекватной методологии для изучения человека. Результаты его исследования были изложены в книге *История человеческой природы* (1973). На обложке появилась следующая, по сей день каноническая для его мышления фраза: «Понятие о человеке, которое позволяет доказать невозможность какого-либо понятия о человеке, все еще отсутствует». Эта парадоксальная формулировка радикального концепта открытой антропологии не создает ни образ, ни понятие о человеке сингулярном, не ищет «универсального инварианта» процесса образования, а работает негативно-деконструктивно. При этом речь ни в коем случае не идет о «теоретическом самоподрыве», в чем Кампера упрекают Аксель Хоннет или Ханс Джоас. Еще менее о деструктивности понятий или устранении позитивного образа человека. Скорее, исходя из вопроса о человеке, он пытается прояснить различные перспективы гуманитарных наук и причину внимания к ним. Коротким и емким резюме его изложения, опираясь на слова Хайдеггера, становится «антрополо-

гическое различие». Под ним подразумеваются сложные отношения между личностью и индивидом, между историческим и природным человеком, которые Кампер пытается помыслить как полярности.

Его размышления идут параллельно работам Ульриха Зоннеманна, о которых Кампер ничего не знал. Только после их публикации в 1969 он знакомится с Зоннеманном, которого высоко оценивает. Вместе с Зоннеманном, вплоть до его смерти, Кампер организывает множество коллоквиумов.

Марбургский период

Кампер, дополнив *Историю человеческой природы*, подал ее как диссертационную работу на отделение социальных наук университета Марбурга, который в то время был оплотом партийной науки и агитации левых. В 1972 г. состоялась защита по педагогике и философской антропологии. Революционные вейния мая 1968 привели к тому, что еще до своего официального признания профессором педагогике, он был выбран деканом самого большого отделения социальных наук ФРГ. Участие в самоуправлении университета оставляло мало времени для собственной научной работы и публикаций. В период с 1973 по 1979 он проводит множество реформ и к концу своего марбургского периода, 1977-79, становится даже вице-президентом университета. Поскольку как президент он тогда еще не был профессором, то вынужден был исполнять общие ректорские задачи: от руководства сенатом до представительских обязанностей. Этот опыт, который казался ему полезным, он не хотел бы упускать, однако, время и силы, которые он вложил, в конце концов не были вознаграждены. На это время приходится разочарование из-за «технократически упущенной эмансипации» и «бюрократически предписанной усталости». «Диалектику просвещения» Хоркхаймера/Адорно он вновь открывает почти насильно. Она наряду с провалом многочисленных проектов реформ развенчивает иллюзии Кампера относительно путей и целей молодежного бунта и различных реформистских движений. Иллюстрации этих «деконструкций» собраны в одноименной книге. В итоге, в 1979 он становится профессором социологии в Свободном университете Берлина.

Берлинский период

Совместно с **Кристофом Вульфом** он организывает доклады и сборники по исторической антропологии. Это новое наименование было призвано подхватить и продолжить дебаты, которым дал толчок годом раньше **Одо Маркардт** своей статьей о «Понятии „Антропология“» и текстами «*Сложности истории философии*» и «*Отношение истории философии к антропологии*». В совместной работе с педагогом Вульфом Камперу вновь представился случай обратиться к концепции «интегральной антропологии», ориентиром которой

служит требование «четкой амбивалентности». Дело в том, что ранее в разговорах с Одо Маркардтом, **Гельмутом Плессером** и **Адольфом Портманом Кампер** поднимал вопрос об историчности антропологии. Именно структура «антропологического различия», развиваемая в его диссертационной работе, позволяет заново, но более определенно и с других позиций сформулировать двойственность человека: его открытость и конечность, неопределенность и предопределение. Исследование **двойственной историчности антропологического**, и как предмета и как метода, стало с тех пор направляющим вектором и главной фигурой его мышления. По мнению Кампера, сейчас дело дошло наконец до постановки фундаментальных вопросов. Междисциплинарный центр исторической антропологии в Берлине должен объединить усилия специалистов, чтобы найти новые подходы в антропологии: 13-15 коллег по новым предметам проводят в настоящее время инновационные исследования в этом направлении. Они пытаются ответить на вызов, который брошен науке о человеке биотехнологией и современными исследованиями мозга, а также дать убедительную оценку недавним попыткам определить человека с помощью анализа генома и когнитивных исследований.

Генеалогии

Среди великих философов, которые повлияли на мышление Кампера следует назвать **Гегеля** и **Ницше**. Гегеля он читал с большим воодушевлением, но преимущественно в перспективе романтизма. Поэтому для него были важны также **Новалис** и братья **Шлегели**. В романтизме на него произвело впечатление не понятийное наследие, а его промежуточное положение между философией и поэзией. К тому же важным опытом было знакомство с **Кьеркегором**, которого он читает основательно и подробно. Его любимыми авторами наряду с чтением произведений философского пиетизма становятся **Франц фон Бадер** и **Якоб Беме**. Отношение к Хайдеггеру, несмотря на то, что его мысль формировалась в непосредственном поле Макса Мюллера, до сих пор остается двойственным. Возможностью поехать во Фрейбург – речь идет о знаменитом докладе «Время и бытие» – он пренебрегает. Его предубеждение против шварцвальдца не мешает однако при случае полемизировать с его мыслью.

Многие связывают имя Кампера с распространением в Германии моды на французскую мысль. И это, конечно, справедливо. Уже в 1971 он организывает в Марбурге семинар по неизвестному тогда в Германии **Лакану**. Его ученики, бывшие студентами в Париже, обратили внимание Кампера на Лакана и снабдили труднодоступными в то время оригинальными текстами. К тому же его друг Кристоф Вульф, который отличается франкофильством, приобретает позже влияние в этом направлении. Таким образом, постепенно возникает активный интерес к французской мысли. С некоторыми из мыслителей, например с **Эдгаром Мореном**, он вскоре познакомится лично. Переписка с **Мишелем**

Фуко, 1972/73, повлекла приглашение последнего на доклады в Германию, завязывается интенсивная дружба с **Бодрийяром**, **Вирильо** и позже с **Мишелем Серром**. Кампер активно агитирует за стиль их мышления, прежде всего в Берлине, что однако встречает резкий отпор. Особенно яростное неприятие «структуралистских инъекций» обнаруживают из-за своей сильной ориентации на марксизм коллеги философы и социологи. Многие марксисты в то время полагали, что из Парижа следует ждать неприятностей. Исключение составляет **Якоб Таубес**, который продемонстрировал несомненное понимание этих своеобразных и оригинальных умонастроений и пригласил в Берлин еще неизвестного Жака Деррида, последний же в ответ на это в своей бесподобной манере в течение трех часов нервировал аудиторию докладами о Кафке и Беняmine на французском. Кампер вместе с Таубесом учреждает в 1982 рабочую группу, которая называет себя «Эстетика постистории». Несколько семестров тема эстетики постистории была главной и образующей для коллоквиума Герменевтического института, который основал Таубес. Однако предусмотренные публикации не появились из-за разногласий с издательством Зуркамп. Тем временем эта тема становится всеобщим камнем преткновения. Эстетика постистории предлагает тезисы о современном значении эстетики, может быть даже в целом культурологии. Тем самым одновременно актуализируются представления 30-х годов (Юнгер, Шмитт), согласно которым исторический процесс пришел к своему концу и может быть завершен «проектом модерна», поскольку человечество заняло место по ту сторону истории. Личность Таубеса для Кампера также является важным медиумом, поскольку, как он позже заметил, тот находился в контакте с писателем **Эмилем Чораном**. Чоран написал книгу *Учение о распаде*, которую Кампер в мюнхенский период высоко оценил. Кампер тогда удивлялся, почему Чоран пишет дальше, публикуя одну книгу за другой. В одном из писем писатель ответил ему элегантно формулой: «Чтобы не кричать, я пишу. Это удобнее и проще». Этот эпизод принципиален потому, что это высказывание совпадает со всеми дальнейшими устремлениями Кампера.

Между стульями

Довольно быстро стало очевидным, что Кампер не хочет быть большим специалистом в социологии. Поэтому некоторые социологи смотрят на него весьма критично и на приличный конгресс его вряд ли пригласят. Многие из коллег-специалистов считают его анти-социологом, который стоит за диагональность, неупорядоченность и темноту. Это «упрямство», однако, не оказало существенного влияния, как можно было бы ожидать, на его позицию на факультете в университете. Четыре года он остается управляющим директором института. Многолетний опыт работы деканом помогает ему как члену факультетского совета определять климат и улаживать спорные вопросы. Как специалист по социальным наукам он занимает позицию антрополога, не прибегая

к аргументации с точки зрения определенной дисциплины. Уже в Марбурге он интересуется антропологией более чем педагогикой. В социологии он следует охотнее философии. Перед философами же бравирует литературоведческим стилем мышления. Отклонение от жанров и мейнстрима закрепило за ним образ маргинала и чужака. Как номад, который оспаривает рамки жанров, исследует их границы и ищет новые пути, он ускользает от направленных на него ударов во множество других дискуссий.

Внимание к тому, что происходит

Его главные интересы сегодня – это **теория тела, история силы воображения и мышление времени**. Новые волнующие темы и вопросы для дискуссий возникают для него из-за доминирования медиального, из-за перехода от пишущее-говорящего общества к обществу, основанному на образе. «Имманентность воображаемого» и демарш в абстракцию (виртуализация, симуляция) наплаиваются и сталкиваются с взаимоотношениями тела и языка, тела и образа, тела и времени. Выражением этих продолжающихся диалогов стали 12 томов, которые с 1981 г. регулярно выходят в различных издательствах, протоколируя эти дебаты. В них содержится примерно 277 статей, которые скорее инстинктивно, чем осознанно вырабатывают новые способы видения и постепенно проникают во все дисциплины. Кампер считает своим преимуществом то, что чувствует проблемы за 10-15 лет до того, как они выйдут на поверхность.

Эстетика (учение о восприятии) играет при всем при том доминирующую роль. В истоке 80-х в ней находят отражение остатки немецкой теологии. Эстетизация жизненного мира и эпистемологии, расширение тела и дополнение его медиатехнологиями, медициной и искусственным интеллектом обостряют вопрос о принципиальном статусе человека и его месте в мире. В поисках альтернативы и противоядия программе совершенствования и перфекционизма чистого духа Кампер находит точку опоры в более древних теориях восприятия, которым следуют и которые излагают **Мерло-Понти** и другие. А также в искусстве, поскольку оно вновь обращается к материалу, устанавливает заслоны от реального, выступая адвокатом инакомыслия тела и превращая знаки и шрамы тела снова в раны и чудо.

По-разительно глубинная мысль

Критик охотно назовет *мыслителя-тела* Кампера «сторонником тени», поскольку он в своем письме скорее затуманивает и затемняет положение вещей чем проясняет. Многие его тексты де недоступны пониманию, часто в них отсутствуют аргументация и понятийная ясность. Кампер может до определенной степени прислушиваться к критике, но признает в этой критике прежде всего проблему видения. Он всегда как бы прилагает усилия к описанию слож-

ности проблем, не беря на себя заботу о понятности. Иногда это ему вредит. Ведь если кто-то хоть раз был назван «обскурантом», то едва ли освободится от этого ярлыка, особенно в общественном мнении. Тексты с таким шлейфом не признают и быстро откладывают в сторону. Может быть это тоже одна из причин, почему Кампер так много и так резко писал и пишет. В повторяющихся пассажах он пытается обосновать и отстоять то, что он думает.

Знаменитым стало публичное нападение **Клауса Лермана** в журнале «Меркур» (№ 433, 1985). Берлинский литературовед атакует прежде всего тот способ, каким Кампер нечто воспринимает. Он упрекает Кампера в предательстве проекта Просвещения и в том, что он своими текстами увлекает в опасном направлении. Однако редуцировать сложное к бинарному кодированию и не является целью Кампера. Оглядываться, как это предлагает Никлас Луман, он не может и не хочет. Он хочет рискнуть заглянуть за кулисы воображаемого на «другое» образов и репрезентаций и ощутить, не теряя внимания, тревожное и ужасное, которые просеивающий разум оставляет на обочине. Слова Гегеля, что «ночь проглядывает, если смотреть человеку прямо в глаза» (в «Лекциях» 1805-1806), его не пугают. Выдержать это пугающее, придонное и чуждое, то, что «требует величайшей силы», – как авторитетно заявляет Гегель, – его привлекает больше: грезы, мечты, смех, упоение, смерть и т.д. Кампер обратился туда, откуда его современники отвели взоры и бросились в понятийность или возвышенные жесты. Так для него стало философской программой то, что Жорж Батай считал признаком суверенного субъекта.

Не удивительно, что Кампер совершенно вольготно чувствует себя в роли еретика, который отпал от величественного света Просвещения. «Освещение» для него было бы равносильно «уничтожению опыта». Задачу мыслителя он видит не в том, чтобы обслуживать здравый смысл философии или думать политически корректно, табу и запрета на мысль он вообще не придерживается. Скорее он проблематизирует границы видения и восприятия. Его воодушевляют размытость, вибрации, помехи, самообман и т.д. Сделать их очевидными и проговариваемыми – для этого он думает, говорит, пишет. Куда его приведет эта философия видения, он не знает. Но этого и не должны знать мореплаватели, впервые отправляющиеся в открытое море.

Его друг и школьный товарищ **Генрих Трезьяк**, феноменолог из Регенсбурга, назвал его мышление «кротким». Кампер благоговейно относится к вещам, чтобы их воспринять. Но внимание – это то, что он провозглашает основой своего мышления, при том в двух смыслах: внимание в смысле «быть внимательным к опасности», и внимание в смысле «уважения» к феномену.

Перевод с нем. Гульнары Хайдаровой по Dietmar Kamper. Rudolf Maresch porträtiert den philosophischen Grenzgänger und Außenseiter // Information Philosophie, № 1, 1999 Maerz. S. 40-47.